

Distr.
GENERAL

A/CN.4/479/Add.1
1 May 1997
RUSSIAN
ORIGINAL: ENGLISH

КОМИССИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА
Сорок девятая сессия
12 мая-18 июля 1997 года

ДОКЛАД КОМИССИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА О РАБОТЕ
ЕЕ СОРОК ВОСЬМОЙ СЕССИИ (1996 ГОД)

Тематическое резюме обсуждения в Шестом комитете Генеральной
Ассамблеи на ее пятьдесят первой сессии, подготовленное
Секретариатом

Добавление

СОДЕРЖАНИЕ

	<u>Пункты</u>	<u>Стр.</u>
A. Ответственность государств	1 - 87	4
1. Общие соображения	1 - 4	4
2. Название	5	5
3. Часть первая. Происхождение международной ответственности	6	5
4. Глава I. Общие принципы	7	5
Статья 1	7	5
5. Глава II. "Деяние государства" согласно международному праву	8	5
Статьи 5-11	8	5

СОДЕРЖАНИЕ (продолжение)

	<u>Пункты</u>	<u>Стр.</u>
6. Глава III. Нарушение международного обязательства	9 - 19	6
Статья 17	9	6
Статья 18	10	6
Статья 19	11 - 19	6
7. Глава IV. Причастность одного государства к международно-противоправному деянию другого государства	20 - 21	9
Статья 27	20	9
Статья 28	21	9
8. Глава V. Обстоятельства, исключающие противоправность	22 - 23	10
Статья 30	22	10
Статья 34	23	10
9. Часть вторая. Содержание, формы и степени международной ответственности	24	10
10. Глава I. Общие принципы	25 - 33	11
Статья 37	25	11
Статья 39	26	11
Статья 40	27 - 33	11
11. Глава II. Права потерпевшего государства и обязательства государства, совершившего международно-противоправное деяние	34 - 37	14
Статья 41	34	14
Статья 42	35	14
Статья 44	36	14
Статья 45	37	15

СОДЕРЖАНИЕ (продолжение)

	<u>Пункты</u>	<u>Стр.</u>
12. Глава III. Контрмеры	38 - 62	15
Статья 47	48 - 52	17
Статья 48	53 - 60	18
Статья 49	61	21
Статья 50	62	21
13. Глава IV. Международные преступления	63 - 76	22
Статья 51	66	22
Статья 52	67 - 69	23
Статья 53	70 - 76	24
14. Часть третья. Урегулирование споров	77 - 87	27
Статья 56	83	28
Статья 57	84	29
Статья 58	85 - 86	29
Статья 60	87	30

А. ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ГОСУДАРСТВ

1. Общие соображения

1. С учетом того, что правовой режим, регулирующий ответственность государств, формировался очень медленно, завершение Комиссией первого чтения проектов статей с комментариями было охарактеризовано как важный этап, значительное и долгожданное событие, решающий шаг в рассмотрении ею этой очень важной темы, очень важное достижение в области кодификации и прогрессивного развития этой темы, преодоление важного порога в кодификации норм по этому вопросу и значительный вклад в проведение Десятилетия международного права Организации Объединенных Наций.

2. Вместе с тем указывалось, что тема ответственности государств по-прежнему представляет собой огромную задачу для Комиссии и что дорога к принятию проектов статей может оказаться длинной и тернистой. Тема ответственности государств была охарактеризована как сложная тема, сопряженная с такими важными вопросами, как контрмеры, соразмерность и урегулирование споров, которые оказались особенно проблематичными. Кроме того, указывалось, что необходимо очень тщательно проанализировать проекты статей, которые станут крупным прорывом в области кодификации и прогрессивного развития международного права после их принятия. Было выражено мнение о том, что, хотя многое из того, что содержится в проектах статей, принятых в первом чтении, может внести долговременный вклад в право, например положения, касающиеся присвоения ответственности, в тексте имеются серьезные недостатки, которые Комиссия должна исправить, для того чтобы результаты ее работы получили признание и могли оказать полезное воздействие на будущее поведение государств. В качестве важных вопросов, которые по-прежнему нуждаются в решении, внимание было обращено на законность контрмер и условия, в которых они могут приниматься. Было также выражено мнение о том, что тексту в целом не хватает последовательности, поскольку он представляет собой результат работы нескольких специальных докладчиков и сопряжен с различными теоретическими и практическими проблемами, особенно в том, что касается различия между международными преступлениями и международными правонарушениями, контрмер и урегулирования споров; для того чтобы часть первая проекта статей стала приемлемой, в нее необходимо внести значительные поправки; часть вторая является очень слабой и не связана достаточно тесно с частью первой; а часть третья является нереальной и неэффективной.

3. Что касается будущей работы над этой темой, то была поддержана рекомендация, согласно которой проекты статей должны быть препровождены правительствам для комментариев и соображений, которые должны быть представлены Генеральному секретарю к 1 января 1998 года. Предлагалось, чтобы в своей будущей работе Комиссия уделила первоочередное внимание теме об ответственности государств, и была выражена надежда на то, что новый Специальный докладчик сможет выполнить свою задачу и что Комиссия вскоре завершит свою работу над темой об ответственности государств, приняв проекты статей во втором чтении.

4. Что касается окончательной формы проектов статей, то было обращено внимание на посылку, принятую Комиссией в ходе ее предыдущей работы, относительно созыва международной конференции для заключения договора. В этой связи был поднят вопрос о практической осуществимости традиционной кодификации столь большого массива нормативного материала в нынешних условиях. Как было отмечено, шансов на то, что будет принята обязательная конвенция об ответственности государств, немного, принятие такой конвенции может негативно сказаться на большом числе существующих норм обычного международного права и было бы жалко, если результатом работы Комиссии станет мертворожденный договор, наносящий ущерб обычно-правовым нормам об ответственности государств, хотя нератифицированные конвенции и

могут оказывать влияние на практику государств. Предлагалось изыскать альтернативные пути внедрения результатов работы Комиссии в современное международное право. Предлагалось также, чтобы Комиссия серьезно рассмотрела вопрос о представлении окончательного результата своей работы в виде декларации или кодекса с комментариями, и отмечалось, что комментарии к проектам статей, несомненно, являются более полезными для практических работников, чем просто абстрактные проекты статей.

2. Название

5. Указывалось, что название "Ответственность государств" является неправильным, поскольку проекты статей касаются только общих принципов ответственности государств за международно-противоправные деяния и не охватывают такую тему, как международная ответственность за вредные последствия действий, не запрещенных международным правом. Поэтому было предложено изменить название темы в ходе второго чтения, с тем чтобы оно более точно отражало реальное содержание проектов статей.

3. Часть первая. Происхождение международной ответственности

6. Было выражено мнение о том, что в статьях части первой проекта довольно полно излагается происхождение международной ответственности, присваиваемой государству. Кроме того, отмечалось, что, хотя некоторые концепции нуждаются в доработке, проекты статей в общем отражают международную практику и главные теоретические элементы международного права.

4. Глава I. Общие принципы

Статья 1

7. Указывалось, что с самого начала проекты статей должны отражать подход, согласно которому именно ущерб влечет за собой ответственность, а не нарушение обязательств, которые в любом случае нечетко определены в проектах статей, и что серьезные сложности возникают уже в тексте статьи 1.

5. Глава II. "Деяние государства" согласно международному праву

Статьи 5-11

8. Было выражено мнение о том, что обстоятельность и подробность проектов статей об ответственности государств, хотя и заслуживают высокой оценки, порой создают ненужные осложнения. Одним из примеров этого являются статьи 5-10 о присвоении государству поведения различных сторон и образований, за которыми следует статья 11 о поведении лиц, действующих не от имени государства.

6. Глава III. Нарушение международного обязательства

Статья 17

9. Указывалось, что эта статья является повтором и не добавляет ничего значимого к принципу, изложенному в статье 16.

Статья 18

10. Указывалось, что пункт 1 представляет собой констатацию очевидного.

Статья 19

11. Были выражены разные мнения относительно различия между "правонарушениями" и "международными преступлениями" (см. также обсуждение статьи 40). Согласно одному мнению, поддержанному некоторыми делегациями, различие, проведенное между международными преступлениями и международными правонарушениями, вполне обосновано по следующим причинам. Это различие проводится в международном праве и частном праве в зависимости от масштабов правонарушения и его юридических последствий. Различие должно основываться на серьезности последствий и масштабах материального, юридического и морального ущерба, причиненного другим государствам и международному сообществу; концепция международного преступления глубоко укоренилась в современном позитивном праве; и различие между преступлениями и правонарушениями является качественным различием между обычными противоправными деяниями и серьезными противоправными деяниями, которые наносят ущерб основополагающим интересам международного сообщества. Это различие существует не только в доктрине и в структуре международных отношений; реакция международного сообщества на простое несоблюдение какого-либо положения торгового договора отличается от его реакции на серьезное нарушение прав человека; концепция международных преступлений облагородила проекты статей и весь режим международной ответственности. Данное разграничение вполне уместно, поскольку эти два вида правонарушений различаются по своему характеру; необходимо установить иерархию противоправных деяний, поскольку характер и серьезность незаконного поведения государств значительно разнятся; особо серьезные преступления, без всякого сомнения, могут рассматриваться в качестве преступлений (например, агрессия, обращение в рабство, апартеид и любое деяние, представляющее собой серьезную и систематическую угрозу основным правам человека) и приводить в действие концепцию *jus cogens*, т.е. императивных норм общего международного права, несмотря на юридическую неопределенность, которая может возникнуть при точном определении этих преступлений. Это основательное различие подробно обсуждалось в Комиссии и было признано Международным Судом, который провел различие между обязательствами государств по отношению к международному сообществу в целом и обязательствами исключительно по отношению к другим государствам.

12. Согласно еще одному мнению, выраженному другими делегациями, понятие преступлений государств нуждается в дальнейшем рассмотрении. Было высказано мнение о том, что проект статьи 19 не содержит четкого определения международного преступления. Необходимо продолжить работу над выработкой широко приемлемого проекта по следующим причинам. Хотя ответственность, возникающая в результате серьезного нарушения, отличается от ответственности, возникающей в связи с менее серьезным нарушением, основополагающим вопросом является характер нарушенного обязательства. В проекте статьи 19 конкретно не указываются основания, по которым то или иное обязательство рассматривается в качестве существенно важного для защиты основополагающих интересов международного сообщества. Проблема определения международного преступления и международного правонарушения по-прежнему сохраняется и связана с выбором неуместной терминологии, заимствованной из внутреннего права. Существенно важно решить, существуют ли на практике два различных вида противоправных деяний, и, если они существуют, определить последствия международно-противоправного деяния, которое негативно сказывается на основополагающих интересах международного сообщества в целом, или изложить вторичные нормы, которые задействуются в результате нарушения первичных норм. Содержащееся в статье 19 определение преступлений наводит на мысль о том, что именно характер первичной нормы определяет, в первую очередь, какие нарушения представляют собой преступления, усиливая тем самым впечатление, что определение преступлений зависит от кодификации первичных норм, что выходит за рамки плана разработки Комиссией этой темы. Однако многие

сочли, что вопрос о том, распространяется ли конкретный режим ответственности на нарушение той или иной нормы международного права, зависит не столько от характера первичной нормы, сколько от масштабов нарушения и связанных с ним негативных последствий. В ходе второго чтения проекта Комиссии следует вновь тщательно изучить этот аспект проблемы, касающейся различия между международными преступлениями и международными правонарушениями. В число других вопросов входил вопрос о целесообразности квалификации посягания основных ценностей международного права в качестве преступлений, присваиваемых государству, а не физическому лицу, а также вопрос о том, можно ли вообще разработать стройную классификацию противоправных деяний, независимо от того, как называются категории, предметной и рабочей.

13. Согласно же третьему мнению, поддержанному некоторыми другими делегациями, понятие преступлений государств должно быть исключено, поскольку оно является противоречивым, запутанным, неопределенным, проблематичным, непрактичным и бесполезным. Противоречивая концепция "преступлений государств" должна быть исключена из обсуждения темы об ответственности государств, поскольку она не обрела широкого международного признания, необходимого для новых концепций со столь широкомасштабными последствиями. Указывалось, что суть спора заключается в том, может ли государство совершить преступление, и, если может, то каково различие между юридическими последствиями преступления и правонарушения, при этом было выражено мнение о том, что проведение такого различия сопряжено с трудностями, поскольку к государствам не применимы уголовно-правовые санкции. Ответственность государств является не уголовной, не гражданской, а просто *sui generis*; любой механический перенос концепций внутреннего права, особенно уголовного права, будет искусственным, теоретическим мероприятием. Во внутреннем праве уголовное правосудие предполагает наличие психического и общественного сознания, законодателя, облеченного полномочиями определять правонарушения и устанавливать за них наказания, судебной системы для установления факта совершения правонарушения и вины обвиняемого, а также правоохранительных органов для обеспечения исполнения наказаний, определенных судом. На международном же уровне нет ни законодателя, ни судьи, ни правоохранительных органов для присвоения уголовной ответственности государствам или обеспечения соблюдения каких-либо уголовно-правовых актов, которые могут быть применимы по отношению к ним. Кроме того, универсальные ценности недостаточно четко определены и признаны, чтобы можно было оправдать подход, отраженный в статье 19. Трудности, с которыми Комиссия сталкивается в своей работе над определением юридических последствий "преступления государства", укрепляют точку зрения о том, что у этой концепции отсутствует надлежащая правовая основа и что за нее не следует держаться. Как указывается в комментарии, приемлемость этого противоречивого различия заключается в возможности предметного изложения последствий каждой категории международно-противоправного деяния. Однако статьи главы IV части второй устанавливают лишь весьма незначительную разницу с точки зрения существа, которое недостаточно для обоснования этого различия. Государства неохотно будут признавать проблематичную концепцию преступлений государств, в основном потому, что привлечение государства к уголовной ответственности может привести к наказанию всего народа, что будет иметь отрицательные последствия. Указывалось на отсутствие механизмов для практической реализации концепции уголовной ответственности государства. Наказание членов правительства или верховного командования за нарушения международного уголовного права на основе индивидуальной уголовной ответственности отличается от наказания такого коллективного образования, как государство, которое означает наказание его населения и экономические санкции, в связи с чем могут возникнуть крупные проблемы политического, социального и морального характера. Комиссии следует использовать более конструктивный подход, исключив концепцию международных преступлений и сделав акцент на ответственности за международно-противоправные деяния или правонарушения, поскольку разрыв между последствиями преступлений и правонарушений был сокращен до такой степени, что необходимость в концепции международных преступлений отпала.

14. Необходимость концепции международных преступлений, влекущей за собой такое количество проблематичных последствий, была поставлена под сомнение в связи с перечнем преступлений, поскольку случаи агрессии уже охватываются системой Устава, в частности главой VII, и правовыми нормами о коллективной самообороне; вопиющие нарушения права на самоопределение также подпадают под действие главы VII; права человека регулируются рядом процедур, основанных на Уставе и договорах, а серьезные нарушения обязательств в области прав человека может также рассматривать Совет Безопасности в качестве угроз миру; предотвращение широкомасштабного ущерба окружающей среде является вопросом для многосторонних договоров; и преднамеренное загрязнение государством также подпадает под действие главы VII. Было сочтено более предпочтительным, чтобы Комиссия рассмотрела последствия смежной концепции обязательств *erga omnes* в рамках темы об ответственности государств таким образом, чтобы не возникало повода для недоразумений и возможных злоупотреблений.

15. Что касается пункта 2, то было выражено мнение о том, что его юридическая неточность является неприемлемой; термины "основополагающий" характер рассматриваемого обязательства и "международное сообщество" являются слишком неопределенными; как представляется, это положение соответствует концепции *jus cogens*, или концепции "императивной нормы общего международного права", отраженной в статьях 53 и 64 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года, касающейся "международного обязательства, столь основополагающего для обеспечения жизненно важных интересов международного сообщества", которой также не хватает точности.

16. Что касается пункта 3, то не ясно, является ли перечень примеров исчерпывающим. Кроме того, сама идея перечня примеров была подвергнута критике в ходе кодификации. Более того, этот перечень является устаревшим, плохо сформулированным и ограничительным, и любое противоправное деяние, не указанное в этом перечне, рассматривается в качестве правонарушения, несмотря на то, что не все правонарушения, влекущие за собой ответственность государств, имеют одинаковую степень серьезности. Предлагалось включить использование ядерных устройств, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду, с учетом консультативного заключения Международного Суда.

17. Было выражено мнение о том, что в связи с подпунктом 3а возникает основополагающий вопрос, касающийся его соответствия системе Устава; Комиссия вторглась в сферу поддержания международного мира и безопасности; согласно Уставу, лишь Совет Безопасности имеет право определять наличие угрозы миру, посягательства на мир или акта агрессии; и в случае коллизии между положениями будущей конвенции и положениями Устава последние будут иметь преимущественную силу в соответствии с его статьей 103.

18. Было поддержано предложение о включении широкомасштабного загрязнения атмосферы или морей в пункт 3d, что согласуется с изменениями в структуре международного права в результате индустриального и технического развития. Обращалось внимание на статью 218 Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву 1982 года, в соответствии с которой на государство порта, а не на государство флага возлагается обязанность наказывать за нарушение, заключающееся в загрязнении, совершенное частными судами в открытом море. Таким образом, Конвенция разрешает государствам иным, чем государство флага, осуществлять универсальную юрисдикцию в отношении наказания за преступление, заключающееся в загрязнении открытого моря, таким же образом, что и за преступление пиратства, которое наказуется всеми государствами как нарушение международного права.

19. Что касается пункта 4, то отмечалось, что правонарушения в нем не определены, а просто охарактеризованы как любые международно-противоправные деяния, которые не являются

международными преступлениями по смыслу пункта 2. Правонарушения могут быть также результатом бездействия, которое необязательно имело злой умысел или было автоматическим, например, задержка со стороны государства с выплатой его внешней задолженности. Поэтому необходимо более подробно рассмотреть относительность концепции правонарушения в международном праве и ее возможные последствия с учетом последних событий в области международного права и международных экономических отношений.

7. Глава IV. Причастность одного государства к международно-противоправному деянию другого государства

Статья 27

20. Предлагалось исключить содержащееся в статье 27 положение о соучастии государств, поскольку оно не имеет под собой основы в позитивном праве и отражает исключительно каузальную ответственность.

Статья 28

21. Предлагалось рассмотреть вопрос об ответственности государства – жертвы принуждения, о которой речь идет в статье 28, в положениях об исключаяющих противоправность обстоятельствах, содержащихся в главе V.

8. Глава V. Обстоятельства, исключаяющие противоправность

Статья 30

22. Отмечалось, что работа Комиссии над вопросом об исключаяющих противоправность обстоятельствах стала поводом для ряда следующих опасений: например, в отношении того, не может ли кодификация права в этой области легитимизировать контрмеры в качестве средства "гегемонистских акций" некоторых держав; и не будут ли такие меры ухудшать отношения между сторонами в конфликте, что было бы нежелательно. Однако далее отмечалось, что в международном сообществе, которому не хватает правоприменительных механизмов, государствам нельзя отказывать в праве реагировать на нарушения международного права посредством обращения к контрмерам и что поэтому такое обращение должно регулироваться и самым слабым государствам должны обеспечиваться гарантии от злоупотреблений.

Статья 34

23. Было выражено мнение о том, что, хотя статья 34 о самообороне является правильной, необходимо помнить, что в своем решении, принятом в 1986 году, Международный Суд¹ заявил, что правомерность реакции на агрессию зависит от соблюдения критериев необходимости и соразмерности мер самообороны. Отмечалось, что статья 34 указывает на законные меры самообороны, не определяя концепции самообороны, которая является важной темой в международных отношениях, поскольку государства часто ссылаются на принцип самообороны для оправдания актов агрессии. Было выражено мнение о том, что, хотя обычные нормы международного права по этому вопросу сформировались, удовлетворительное решение проблемы определения этой концепции не найдено и пришло время для того, чтобы Комиссия изучила этот

---

¹ Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America) Merits, Judgment, I.C.J. Report, 1986, p. 14.

вопрос и четко сформулировала и кодифицировала этот принцип, несмотря на то, что определение концепции самообороны может оказаться таким же сложным, как и определение концепции агрессии, поскольку вооруженные конфликты и акты агрессии, по всей видимости, будут продолжаться и в будущем.

9. Часть вторая. Содержание, формы и степени международной ответственности

24. Отмечалось, что статьи в главах I, II и IV части второй проекта содержат в себе довольно всеобъемлющее изложение вопроса о содержании, формах и степенях международной ответственности, присваиваемой государству. Кроме того, отмечалось, что, хотя некоторые концепции нуждаются в дальнейшей разработке, проекты статей в общем отражают международную практику и главные теоретические элементы международного права.

10. Глава I. Общие принципы

Статья 37

25. Отмечалось, что, хотя статья 37 о *lex specialis* правильно предусматривает, что нормы международного права, регулирующие ту или иную конкретную ситуацию, должны иметь преимущественную силу перед общими положениями, содержащимися в проектах статей, видимо, было бы целесообразно включить оговорку относительно статьи 60 Венских конвенций о праве международных договоров 1969 и 1986 годов, которые позволяют договаривающейся стороне прекращать договор в отношении другой договаривающейся стороны, которая нарушила основные положения договора. Кроме того, отмечалось, что при прочтении нынешней формулировки статьи 37 может сложиться впечатление, что конкретная реакция исключает другие последствия, т.е. последствия, вытекающие из проектов статей об ответственности государств; эту ситуацию следует разъяснить, поскольку дело обстоит иным образом.

Статья 39

26. Несколько делегаций охарактеризовали статью 39 как противоречивую и лишнюю, поскольку статья 103 Устава четко предусматривает, что положения Устава имеют преимущественную силу перед положениями какого-либо другого международно-правового документа. Форма и содержание статьи 39 были охарактеризованы как неудовлетворительные, поскольку она вступает в коллизию с другими проектами статей об ответственности государств, а также другими положениями международного права. Обращалось внимание на опасения некоторых членов Комиссии в связи с тем, что права или обязательства того или иного государства согласно конвенции могут быть отменены решениями Совета Безопасности, принятыми по статье VII Устава, которые в соответствии со статьей 25 Устава государства-члены обязаны выполнять. Было выражено мнение о том, что вопрос о практических способах присвоения ответственности государствам за противоправные деяния является трудным и сложным с учетом его политических последствий и что Совет Безопасности не следует наделять в этой связи какими-либо полномочиями, превышающими полномочия, четко оговоренные в Уставе Организации Объединенных Наций. Было выражено также мнение о том, что полномочия Совета Безопасности четко определены в Уставе и что Совет Безопасности, как правило, не должен лишать то или иное государство его законных прав или возлагать на него обязанности помимо тех, которые оговорены в Уставе и обусловлены положениями международного права. Были высказаны разные предложения о внесении в статью 39 следующих поправок: а) исключить слова "в соответствующих случаях", которые, как указывалось, не согласуются с проектами статей в целом и с проектами статей об урегулировании

споров в частности; b) исключить слова "и процедуры"; и c) заменить выражение "с соблюдением" выражением "без ущерба". Другие делегации высказались за исключение статьи 39.

Статья 40

27. Что касается пункта 3 статьи 40, то было выражено мнение о том, что отнесение к категории "потерпевших государств" всех других государств в том случае, если международно-противоправное деяние представляет собой международное преступление, является примером трудностей, с которыми сопряжена концепция преступлений государств. Было также выражено мнение о том, что некоторые проблемы явно обусловлены путаницей в связи с концепцией "преступления" и выражением "потерпевшее государство". Поскольку в определении преступления содержится указание на неправоую концепцию "международного сообщества" (статья 19), все государства-члены этого международного сообщества могут утверждать, что являются "потерпевшими государствами", что невозможно поддержать. Было сочтено предпочтительным провести различие между непосредственно пострадавшими государствами и теми государствами, которые пострадали косвенным образом, и это различие лишь едва прослеживается в пункте 3 статьи 40. Кроме того, предлагалось, чтобы в рамках концепции "потерпевшего государства" проводилось различие между непосредственно и косвенно затронутыми государствами, которые имели бы различные права в связи с материальными и инструментальными последствиями преступления. Кроме того, отмечалось, что, хотя два последних специальных докладчика предложили различные гарантии, подчиняющие индивидуальную реакцию на преступления государств праву и процедурам Организации Объединенных Наций, с тем чтобы "адаптировать" последствия решения Комиссии рассматривать все государства в качестве "потерпевших" в результате международных преступлений, в нынешних проектах статей такие гарантии отсутствуют вообще.

28. Было выражено мнение о том, что возмещение ущерба, причиненного нарушением международного обязательства, является одним из основных элементов гражданской ответственности во внутреннем праве. Хотя в некоторых странах к уголовной ответственности добавляется обязанность произвести возмещение, это делается в интересах жертвы преступления и представляет собой дополнение к уголовному наказанию, с помощью которого общество пресекает посягательства на общественные ценности. Отводя возмещению центральное место в ряду юридических последствий международного преступления, Комиссия уделяет, по-видимому, слишком много внимания ущербу, причиненному в результате противоправного деяния, и слишком мало внимания социальному аспекту правонарушения. Возникает такой вопрос: означает ли концепция международного преступления не только то, что нарушенное международное обязательство имеет особо важное значение, но и то, что нарушено обязательство по отношению ко всему международному сообществу государств? Иными словами, в формулировке пункта 3 проекта статьи 40, в соответствии с которой все государства должны рассматриваться как потерпевшие в результате совершения международного преступления и, следовательно, они могут требовать возмещения от государства-нарушителя, не отражен должным образом коллективный характер нарушения.

29. Некоторые делегации высказались за включение *actio popularis*, поскольку конкретные последствия международного преступления должны быть особенно суровыми, и в настоящее время признано, что в результате совершения таких международно-противоправных деяний ущерб наносится не одному, а всем государствам. Отмечалось, что с учетом того, что концепция "преступления" частично совпадает с нарушениями императивных норм международного права, все государства могут рассматривать себя в качестве "потерпевших" по смыслу пункта 3 статьи 40, даже без определения того, является ли рассматриваемое поведение "преступлением". Указывалось также, что в статье 40 излагаются просто очевидные вещи. Вместе с тем было выражено мнение

о том, что вопрос об *actio popularis* со стороны потерпевшего государства все еще не решен и что необходимо продолжить изучение вопроса о последствиях различия между международными правонарушениями и международными преступлениями. Было отмечено, что понятие "реальная жертва" было поддержано Международным Судом в его решении по делу о Никарагуа в 1986 году, в котором он отверг все утверждения некоторых государств о том, что они действуют в порядке так называемого "*actio popularis*" от имени международного сообщества, но без прямого мандата на то, а также что Комиссия должна продолжить изучение этого ограничения.

30. Что касается сноски к пункту 3, то было выражено мнение о том, что различие между двумя видами противоправных деяний и, следовательно, между двумя режимами ответственности должно быть сохранено, но при этом следует пересмотреть используемую терминологию. Было также отмечено, что в международном праве ответственность не является ни гражданской, ни уголовной, а имеет чисто международный и, следовательно, особый характер и что с учетом этого Комиссии следует при рассмотрении проектов статей во втором чтении подумать над возможностью либо выбрать другие, более нейтральные термины, либо отказаться от использования конкретных терминов для обозначения двух различных видов противоправных деяний и провести это различие по-другому, например, разделив текст проектов статей на две самостоятельные части, в которых отдельно рассматривались бы последствия противоправных деяний как таковых и противоправных деяний, которые угрожают основополагающим интересам международного сообщества в целом. Предлагалось, чтобы Комиссия ограничилась употреблением выражения "международно-противоправное деяние", которое не носит спорного характера, с тем чтобы обеспечить использование в проектах статей нейтральной терминологии, предоставляя при этом государственной практике и доктрине достаточную свободу действий для выработки на более позднем этапе терминологии, которая была приемлемой для всех. Было также выражено мнение о том, что в ходе второго чтения Комиссии следует более внимательно рассмотреть целесообразность концепции преступлений государств и что предложение некоторых членов Комиссии заменить выражение "международные преступления, совершенные государством" выражением "исключительно серьезные противоправные деяния государства" заслуживает поддержки. Отмечалось также, что ответственность государств является не уголовной, а международной, что она приводится в действие реальными событиями, и в этой связи было выражено удовлетворение по поводу включения сноски к проекту статьи 40, касающейся альтернативных вариантов термина "международное преступление".

31. Было выражено несогласие со сделанным Комиссией в ее комментарии к проекту статьи 51 замечанием о том, что не имеет существенно важного значения вопрос о том, как назвать категорию особо серьезных противоправных деяний: "преступления" или "исключительно тяжкие правонарушения". Понятие преступления имеет коннотацию, которую не имеют другие формы правонарушений, и, делая выбор между этими двумя выражениями, необходимо исходить из целей классификации противоправных деяний. Так, если существует намерение показать с помощью классификации, что некоторые формы международно-противоправных деяний настолько подрывают международный порядок или мораль, что коллективные интересы государств требуют предотвращения и пресечения таких деяний, то выбор необходимо остановить на выражении "международные преступления". Если же, напротив, существует желание показать, что некоторые международно-противоправные деяния являются по своему характеру или по своим последствиям значительно более тяжкими, чем другие деяния подобного рода, и что это различие должно отразиться на сфере применения права на возмещение, предоставляемого потерпевшему государству, более целесообразным было бы использовать выражение типа "исключительно тяжкие правонарушения".

32. Вместе с тем было выражено мнение о том, что важно сохранить термин "международное преступление". Концепция международного преступления, которая не является строго идентичной

понятию уголовной ответственности в национальном праве, четко указывает на то, что нарушение юридических и моральных обязательств, имеющих существенно важное значение для мира, выживания и благосостояния международного сообщества, рассматривается наравне с наиболее серьезными уголовными правонарушениями, наказуемыми по национальному праву.

33. Предлагалось проявлять осторожность и рассматривать вопрос о выборе терминов (правонарушения или преступления) отдельно от проблемы существа, т.е. наличия двух категорий противоправных деяний, на которые, как бы они ни классифицировались, распространяются два качественно разных режима. Кроме того, была выражена озабоченность, что этот сугубо схоластический спор относительно различия между двумя категориями противоправных деяний, основанный на выборе таких терминов, может помешать добиться прогресса в рассмотрении проектов статей в целом.

11. Глава II. Права потерпевшего государства и обязательства государства, совершившего международно-противоправное деяние

Статья 41

34. Предлагалось перед словом "прекратить" вставить слово "немедленно", поскольку нельзя проявлять терпимость по отношению к продолжению противоправного деяния.

Статья 42

35. Некоторые делегации поддержали добавление пункта 3. Хотя его нельзя рассматривать как часть обычного международного права, он отражает общую норму международного права, касающуюся обязательства предоставлять надлежащее возмещение. Однако было также выражено мнение о том, что такая норма прочно утвердилась в международном праве и была подтверждена недавней практикой государств и решениями международных судебных органов о том, что полное возмещение (особенно в случае экспроприации) должно быть оперативным, надлежащим и действенным. Ответственность не может зависеть от нехватки или объявленного отсутствия средств у государства, которое совершило противоправное деяние. Норма возмещения в рамках ответственности государств представляет собой неоправданный отход от установившейся нормы обычного международного права, согласно которой любое потерпевшее государство имеет право получить для себя или для своего гражданина, от имени которого подается иск, полное возмещение в форме реституции в натуре, компенсации, сатисфакции или заверений и гарантий неповторения (пункт 1). Однако эта норма о полном возмещении была сильно подорвана положением о том, что возмещение ни в коем случае не должно приводить к лишению населения его собственных средств к существованию, поскольку это крайне субъективная и открывающая возможности для злоупотреблений оговорка предоставляет удобную лазейку потенциальным экспроприаторам или тем, кто совершил противоправные деяния и стремится уклониться от ответственности за содеянное.

Статья 44

36. Было выражено мнение о том, что в проектах статей не хватает четкого положения о критериях для определения степени ущерба, нанесенного потерпевшему государству, или для установления степени ответственности государства-правонарушителя. Современные судебные органы всегда признавали, что проценты являются одним из элементов возмещения. В статье 44 предусмотрено, что компенсация охватывает любой экономически оценимый ущерб, понесенный потерпевшим государством, и может включать в себя проценты и, в соответствующих случаях,

упущенную выгоду. В проектах статей необоснованно ставится под сомнение центральная роль процентов как элемента возмещения.

Статья 45

37. Была высказана идея о том, что пункт 2с статьи 45 содержит положения, которые уже охватываются пунктом 2 статьи 44, и что поэтому его необходимо исключить.

12. Глава III. Контрмеры

38. Некоторые делегации выразили удовлетворение по поводу положений, в которых идет речь о контрмерах, и охарактеризовали их как хорошо сформулированные положения, обеспечивающие справедливый и хороший баланс между интересами потерпевшего государства и интересами государства-правонарушителя; учитывающее реалии решение проблемы контрмер; ценное резюме практики государств в этой области; подтверждение различия между контрмерами и ответственностью как таковой; соответствующие подходу, основанному на неравных возможностях государств принимать контрмеры; а также как более сбалансированные и менее пугающие менее сильные государства. Было выражено мнение о том, что особый оптимизм вселяют положения об условиях принятия контрмер, поскольку контрмеры не всегда представляют собой удовлетворительное средство защиты в отношениях между государствами разного размера. Поэтому условия и ограничения, содержащиеся в проектах статей, являются полезными, равно как и возможность кодификации обязательных международных норм в этой связи. Проекты статей о контрмерах показали, что Комиссия, совсем не стремясь к сохранению *status quo* в области норм права, касающихся применения контрмер, взялась за разработку ясных и точных норм, призванных укрепить гарантии против злоупотреблений, к которым может привести использование контрмер. Именно поэтому, например, контрмеры рассматривались не в качестве права потерпевшего государства, а лишь как обстоятельство, исключающее противоправность деяния государства.

39. Было выражено особое удовлетворение в связи с тем, что Комиссии удалось ограничить риски, связанные с осуществлением контрмер, в отношении которых нормы еще прочно не устоялись. Включение Комиссией контрмер было оправданным по двум следующим причинам: на протяжении определенного времени в обычном международном праве формировались критерии, касающиеся контрмер; и с кодификацией норм о контрмерах или без нее государства по-прежнему будут обращаться к контрмерам. Было выражено мнение о том, что детальное регулирование контрмер могло бы компенсировать определенный риск, особенно в случае учреждения обязательной юрисдикции. Как представляется, общие черты системы, установленной Комиссией, являются правильными. Было также выражено мнение о том, что нет никаких сомнений, что, в соответствии с международным правом и практикой, в случае нарушения государством его юридических обязательств по отношению к другому государству, последнее имеет право аннулировать свои юридические обязательства по отношению к первому государству. Основная юридическая проблема в отношении контрмер заключается именно в определении их "порога легитимности", или обстоятельств, в которых контрмеры представляют собой законную реакцию на противоправное поведение со стороны другого государства.

40. Другие делегации особо подчеркнули важную роль контрмер в условиях нынешней международно-правовой системы и выразили неудовлетворение по поводу препятствий и ограничений, введенных в отношении таких мер. Было выражено мнение о том, что в условиях нынешнего состояния международной организации право потерпевшего государства на обращение к контрмерам является неизбежным. Во всех национальных правовых системах сохраняется определенная концепция контрмер в качестве реакции на нарушение прав. Есть что-то опасно

утопическое в представлении о том, что если бы только можно было еще более развить международную систему, то можно было бы вообще отказаться от концепции контрмер. Было также выражено мнение о том, что с учетом рудиментарного характера централизованного механизма обеспечения соблюдения норм международного права индивидуальные средства ограничения или принуждения по-прежнему являются одним из незаменимых элементов международного права. Было бы бессмысленно игнорировать существующие реалии и утверждать, что контрмерам нет места в нормах права, регулирующих ответственность государств. Указывалось, что подход Комиссии не согласуется с практикой государств и не является обоснованным и что Комиссия должна уважать законную и важную роль, которую играют соразмерные контрмеры как средство обеспечения международной законности. Государству может понадобиться принять немедленные меры, для того чтобы заставить государство-нарушитель выполнять его обязательства и ограничить масштабы причиняемого ущерба. Проекты статей необоснованно ограничивают право потерпевшего государства обеспечить свою защиту с помощью этого средства и создают серьезные и ненужные трудности.

41. В то же время другие делегации заявили оговорки относительно использования контрмер и особо подчеркнули проблемы, связанные с возможностью злоупотребления ими. Было выражено мнение о том, что в комментарии о контрмерах в докладе говорится, что они могут быть необходимы для обеспечения соблюдения государством-правонарушителем его юридических обязательств. Однако контрмеры не следует рассматривать как удовлетворительное средство правовой защиты, поскольку каждое государство считает, что только оно может судить о своих правах в отсутствие выработанного на переговорах или с участием третьей стороны решения, а также из-за неодинаковых возможностей государств принимать такие меры или реагировать на них. Необходимо ограничить и точно определить сферу охвата этого режима, поскольку он может открывать возможности для злоупотреблений в отношении более слабых государств. Было также выражено мнение о том, что, как представляется, проекты статей основаны на посылке о том, что государства, обращающиеся к контрмерам, действуют на основе равенства, в то время как такое обращение, как указали некоторые члены Комиссии, может привести к несправедливым результатам, когда соответствующие государства обладают неравной силой или средствами. Предлагалось обеспечить надлежащие гарантии для предотвращения злоупотребления великими державами контрмерами для принуждения других государств.

42. Подход, использованный в проектах статей в отношении контрмер, был characterized как позитивный, но не лишенный недостатков. Кроме того, была высказана идея о том, что следует стремиться к достижению следующих трех целей: предотвращение эскалации мер и контрмер, предотвращение усиления существующего неравенства между государствами в пользу более сильных государств и установление условий, связанных с обращением к контрмерам в случае, когда их невозможно запретить. Было отдано предпочтение правовому режиму, который сводил бы к минимуму разногласия, связанные с возможностью принятия контрмер, при этом придавалось большое значение роли Комиссии в области прогрессивного развития международного права.

43. Были высказаны сомнения относительно целесообразности включения в проекты статей положений, касающихся контрмер. Использование контрмер зависит от многих субъективных оценок и сопряжено с риском усиления напряженности в отношениях между государствами вместо того, чтобы способствовать прекращению незаконного поведения. Проекты статей должны ограничиваться регулированием последствий противоправного поведения с точки зрения возмещения, сатисфакции, гарантий неповторения, прекращения противоправного поведения, реституции в натуре и компенсации в дополнение к общим аспектам ответственности и урегулирования споров.

44. Что касается выбора между индивидуальными и коллективными контрмерами, то предлагалось, чтобы в проекты статей были также включены положения о коллективных

контрмерах, принятых через посредство международных организаций. Такой шаг соответствовал бы международному праву и практике, а также логике статьи 19.

45. Были высказаны различные мнения относительно целесообразности включения понятия санкций в проекты статей. Указывалось, что утвердившийся термин "санкции" является более предпочтительным, чем термин "контрмеры". В то же время были высказаны возражения в отношении режима санкций, особенно односторонних мер, предложенных Комиссией в случае международных преступлений.

46. Что касается вопроса о взаимности, то отмечалось, что проекты статей не требуют, чтобы контрмеры были взаимными или чтобы они обязательно были приняты в связи с тем же обязательством или тем же видом поведения, которые лежат в основе противоправного деяния. Отсутствие такого требования открывает возможности для широкого диапазона контрмер, к которым могут прибегнуть потерпевшие государства, находящиеся в неблагоприятном экономическом положении по отношению к государству-правонарушителю. Этот подход согласуется, например, с правилами и процедурами в отношении урегулирования споров, содержащимися в приложении к Соглашению об учреждении Всемирной торговой организации от 15 апреля 1994 года. Кроме того, отмечалось, что требование о так называемых взаимных контрмерах не является позитивной мерой, поскольку оно может наносить ущерб правам потерпевшего государства.

47. Некоторые делегации высказали сомнения относительно места контрмер в проектах статей. Было высказано мнение о том, что, в то время как содержание главы о контрмерах не имеет логической связи с частью второй, в которой она находится, она тесно связана с понятием международно-противоправного деяния, поскольку контрмеры обычно принимаются в ответ на такие деяния. В этой связи предлагалось включить проекты статей о контрмерах в новую часть третью. Было также выражено мнение о том, что контрмеры представляют собой особое одностороннее средство принудительного урегулирования, применяемое против государства, которое отказывается выполнять обязательства, вытекающие из его ответственности, и не стремится к дружественному урегулированию спора. Поэтому нелогично помещать положения о контрмерах между положениями об ответственности за обычные международные правонарушения и положениями об ответственности за международные преступления. Было более целесообразным поместить положения о контрмерах в конец части третьей об урегулировании споров или даже в отдельную часть четвертую.

Статья 47

48. Было заявлено о поддержке статьи 47, которая предусматривает меры, исключаящие достижение несправедливых результатов в тех случаях, когда контрмеры применяются в отношениях между государствами, имеющими неравные силы или средства. Было высказано также мнение о том, что, хотя потерпевшее государство имеет право на принятие контрмер против государства, совершившего международно-противоправное деяние, это право должно осуществляться лишь в крайнем случае, когда государство-правонарушитель не выполняет свои обязательства. Было признано, что статья 47 является хорошо сбалансированной и что она содержит необходимые критерии для смягчения воздействия контрмер на государство-правонарушитель. В качестве еще одного смягчающего элемента была названа содержащаяся в пункте 1 статьи 47 ссылка на статьи 41-46, предусматривающие ряд средств правовой защиты, к которым должно добросовестно прибегать государство, совершившее противоправное деяние, в целях предотвращения принятия контрмер. Было высказано также мнение о том, что обращение к контрмерам не является прямым и автоматическим следствием совершения международно-противоправного деяния. Оно обусловлено предварительным установлением потерпевшим государством факта поведения,

считающегося противоправным, и предъявлением требования о его прекращении и предоставлении возмещения. Более того, прибегнуть к контрмерам можно лишь в том случае, если на требование, предъявленное государству-нарушителю, не будет получен удовлетворительный ответ. Эти условия призваны уменьшить опасность преждевременного принятия контрмер и, следовательно, злоупотребления ими.

49. В связи с пунктом 1 было отмечено, что в статье 47 дается базовое определение права потерпевшего государства принимать контрмеры, которое по существу связано с определением потерпевшего государства, содержащегося в статье 40. По этой причине проблемы, характерные для последней статьи, такие, как квалификация всех государств – участников многостороннего договора в качестве потерпевших в случае защиты коллективных интересов, касаются и статьи 47. Вновь были выражены сомнения относительно целесообразности расширения понятия "потерпевшее государство". Была высказана также мысль о том, что, хотя все государства рассматриваются в качестве потерпевших в результате совершения международного преступления, право на обращение к контрмерам имеет лишь "реальная жертва".

50. Что касается цели контрмер, то было высказано мнение о том, что она должна заключаться не в наказании, а в компенсации и реституции. Практика государств совершенно определенно свидетельствует о том, что при обращении к контрмерам потерпевшее государство может добиваться либо прекращения противоправного поведения, либо возмещения в широком смысле. Однако оно не может применять контрмеры в качестве наказания.

51. Было высказано замечание о том, что критерий "насколько это необходимо", содержащийся в пункте 1 статьи 47, как представляется, вводит временное ограничение на контрмеры, тогда как Комиссия в пункте 6 своего комментария к статье 47 указала, что ограничения на такие меры связаны с их "адекватностью" или содержанием.

52. В отношении пункта 2 было высказано мнение о том, что вопрос о связи между статьей 47 и статьей 49 требует уточнения.

Статья 48

53. В поддержку статьи 48 было высказано мнение о том, что положение, ограничивающее условия, при которых потерпевшее государство может обращаться к контрмерам, является хорошо сбалансированным. Было выражено также мнение о том, что данная статья сформулирована правильно и что она, по-видимому, рассеит законные сомнения малых государств. В то же время была высказана мысль о необходимости переоценки содержащихся в пункте 1 предварительных условий правомерности контрмер.

54. Некоторые делегации выразили озабоченность по поводу предусмотренного в пункте 1 обязательства в отношении сотрудничества. Было заявлено, что в статье 48 потерпевшему государству предписывается до принятия контрмер выполнить свое обязательство о проведении переговоров, предусмотренное в статье 54, причем сроки, в которые необходимо провести такие переговоры, не оговариваются. Таким образом, государство, пострадавшее в результате нарушения договорного обязательства другим государством, не сможет, по всей видимости, лишиться государство-нарушитель преимущества, соразмерного ущербу, причиненному в результате нарушения того или иного договора, до тех пор, пока оно предварительно не проведет переговоры, которые могут продолжаться в течение нескольких месяцев; оно, следовательно, будет вынуждено продолжать нести ущерб. Было заявлено также, что, хотя существуют веские аргументы в пользу ограничения таких мер и контроля за ними, ограничения должны быть реальными и что контроль не должен препятствовать осуществлению права принимать контрмеры. С учетом этих критериев

предварительные условия, изложенные в пункте 1 статьи 48, представляются проблематичными. Выдвижение требования о предварительных переговорах в качестве одного из условий правомерности контрмер влечет за собой значительное смещение баланса в пользу реального или предполагаемого правонарушителя. Невозможно восстановить приемлемый баланс и с помощью заимствования концепции временных мер защиты из области судебного урегулирования.

55. Что касается временных мер, то было высказано мнение о том, что все государства имеют право принимать безотлагательные меры для обеспечения прекращения противоправного деяния и предотвращения причинения непоправимого ущерба, однако возможность предпринимать неотложные временные меры следует предоставить только самым непосредственным образом затронутым государствам. В этой связи было выражено удовлетворение по поводу того, что Комиссия сумела установить тщательно выверенный баланс между правами и интересами пострадавших государств и теми государствами, которые являются объектом контрмер. Было высказано также мнение о том, что, хотя включение в проект статей концепции временных мер защиты представляется адекватным решением, выработка определения таких мер по-прежнему сопряжена с трудностями. В некоторых обстоятельствах, когда принятие временных мер разрешено, а контрмер – не разрешено, могут возникнуть сложности с решением вопроса о том, является ли допустимой такая конкретная реакция на международно-противоправное деяние, что будет иметь явные последствия для внешней политики. Было отмечено, что в статье 48 не уточняется ни характер временных мер защиты, которые может принять потерпевшее государство для обеспечения своих прав, ни то, в чем заключается их отличие от соразмерных мер, которые данной статьей запрещаются. Было заявлено о необходимости выработки определения временных мер в целях обеспечения того, чтобы они и впредь отличались от контрмер, а также конкретизации условий принятия временных мер, поскольку отсутствие какой-либо формы контроля является неприемлемым. Было высказано замечание о том, что меры, направленные на защиту прав, должны приниматься сразу же после совершения противоправного деяния. В этом контексте было бы полезным, если бы арбитраж мог на начальном этапе выносить решение о том, являются ли принятые меры действительно временными мерами и являются ли они обоснованными. Было высказано также замечание о том, что концепция "временных мер защиты" вполне может привести к затруднениям, если на такие меры не будет распространяться действие требований, касающихся проведения предварительных переговоров и передачи спора на арбитражное разбирательство, поскольку потерпевшее государство может принять решение немедленно обратиться к таким мерам, которые государство, против которого они направлены, может воспринять в качестве полномасштабных контрмер. Однако эта концепция может создать для государств стимул к признанию элемента обязательного арбитража, содержащегося в пункте 2 статьи 58. Этот элемент следовало бы оградить от каких-либо попыток нарушить баланс посредством уклонения от выполнения обязательства обращаться к арбитражу с помощью оговорки, признавая при этом имеющее договорную основу разрешение принимать контрмеры.

56. Что касается пункта 2, то ряд делегаций выразили удовлетворение положениями, касающимися урегулирования споров, связанных с контрмерами. Было заявлено, что исключение процедуры разрешения споров в отношении контрмер, упомянутой в статье 48, подорвало бы соответствующий механизм и сделало бы его неприемлемым для многих государств. В порядке поддержки статьи 48 было высказано мнение о том, что положение об обязательном урегулировании споров имеет важное значение для осуществления будущей конвенции об ответственности государств. С другой стороны, было высказано мнение о том, что должна существовать добровольная система урегулирования споров третьей стороной, к которой могли бы прибегать слабые государства в соответствии с нормами современного международного права.

57. Статья 48 была также отнесена к числу положений главы о контрмерах, вызвавших самые горячие споры; основная проблема заключается не в формулировке статьи, а в принципиальной

позиции в отношении мирного разрешения споров в рамках всей системы международного права. Было отмечено, что Комиссия не ограничилась кодификацией практики государств, а рассмотрела сложный вопрос о связи между обращением к определенным процедурам разрешения споров и принятием контрмер. Комиссия попыталась сделать приоритетным принцип мирного разрешения споров, не подрывая эффективности контрмер потерпевшего государства. Так, Комиссия установила как для потерпевшего государства, так и для государства-правонарушителя обязательство проводить переговоры до принятия контрмер, а также предусмотрела возможность приостановления контрмер, когда государство-правонарушитель добросовестно участвует в обязательной процедуре разрешения споров.

58. Некоторые делегации высказались за то, чтобы до принятия контрмер больше внимания уделялось процедурам урегулирования споров. Было высказано мнение о том, что потерпевшим государствам следует осуществлять свое право на применение контрмер лишь в крайнем случае, после того, как будут исчерпаны все разумные и мирные средства урегулирования спора. Было отмечено, что некоторые члены Комиссии, одобряя положения о контрмерах, содержащиеся в главе III, отдают предпочтение исчерпанию до принятия контрмер процедур мирного урегулирования споров, и это соображение сбалансированным образом рассматривается в комментарии к статье 48. Было высказано также мнение о том, что контрмеры могут привести к злоупотреблению со стороны сильных государств, и в этой связи необходимы ясность и точность. Было отдано предпочтение требованию об обязательном урегулировании споров третьей стороной как предварительному условию начала применения контрмер. Контрмеры лишь создадут напряженность в отношениях между государствами, которую в конечном счете придется устранять с помощью определенной процедуры мирного урегулирования. Была высказана мысль о возможности достижения этого результата ранее в случае принятия вместо контрмер такой процедуры. Если с помощью таких средств устанавливается, что совершено противоправное деяние, пострадавшему государству при отсутствии других средств правовой защиты может быть предоставлено право принимать контрмеры.

59. Была высказана точка зрения, заключающаяся в том, что возложение на потерпевшее государство, принимающее контрмеры, обязанности выполнить обязательства по урегулированию спора предвещает, по-видимому, вопрос об обязательном характере третьей части проекта статей, посвященной режиму урегулирования споров. Была высказана мысль о том, что Комиссии следует в этой связи очень внимательно повторно рассмотреть содержание статей 47 и 48 при их обсуждении во втором чтении. Более того, были высказаны серьезные сомнения относительно того, что часть третья согласуется с положениями, касающимися контрмер. Обращение к контрмерам должно быть в максимальной степени увязано с процессом мирного урегулирования споров. Поэтому включение в статью 48 обязательства вести переговоры до обращения к контрмерам, как представляется, является шагом в правильном направлении. В целях согласования двух механизмов, которые на первый взгляд кажутся несовместимыми, было бы целесообразно использовать пример статьи XXIII Генерального соглашения о торговле услугами, в которой искусно увязана процедура мирного урегулирования споров и принятие одной или несколькими договаривающимися сторонами мер, оправданных в свете обстоятельств, по отношению к одной или нескольким договаривающимся сторонам.

60. Было отмечено, что пункту 4 не хватает конкретности в отношении характера "просьбы или предписания, являющихся результатом процедуры урегулирования спора". Как указано в комментарии, такие предписания могут также включать предписания, которые с формальной точки зрения не являются обязательными. Поэтому не совсем ясно, могут ли они включать не только временные меры, предписанные судом, но и рекомендации согласительных комиссий. Расхождения в формулировках в статье 48 и в комментарии усугубляют неопределенность, поскольку в пункте 4

содержится ссылка на "процедуры урегулирования спора" без каких-либо дополнительных разъяснений, в то время как в комментариях говорится о судах и трибуналах.

Статья 49

61. Было отмечено, что принцип соразмерности находит отражение в практике государств. В порядке поддержки статьи 49, посвященной соразмерности, было выражено мнение об отсутствии необходимости в дальнейшем расширении толкования принципа соразмерности, поскольку этот вопрос должен решаться судом, занимающимся урегулированием спора. Была высказана также точка зрения, заключающаяся в том, что соразмерность контрмер является одним из основных факторов их правомерности и что этот принцип имеет тем более важное значение в силу того, что последствия преступления могут затрагивать сообщество государств в различной степени. В этой связи его следует применять в отношении каждого потерпевшего государства на индивидуальной основе. С другой стороны, было высказано мнение о том, что важно обеспечить, чтобы государство-правонарушитель не принимало ответных мер, которые приведут к эскалации спора, и что положение о соразмерности носит слишком общий характер и поэтому нуждается в дальнейшем рассмотрении.

Статья 50

62. Некоторые делегации приветствовали перечень запрещенных контрмер. По мнению ряда делегаций, большинство запрещенных контрмер, перечисленных в подпунктах a-e данной статьи, относится к *jus cogens*. Было заявлено, что данная статья сформулирована правильно и что ее исключение было бы для многих государств неприемлемым. Было высказано мнение о целесообразности опущения в подпункте b слов "экономическому" и "политическому" в целях расширения сферы охвата термина "принуждение", поскольку экологические и другие формы принуждения также могут угрожать территориальной целостности и политической независимости государства.

13. Глава IV. Международные преступления

63. В поддержку главы IV было отмечено, что Комиссия сочла необходимым включить в проект статей главу о последствиях международного преступления, совершенного государством, с учетом статьи 19; в противном случае проведение различия между "правонарушениями" и "преступлениями" было бы лишено смысла. Поэтому последствия международных преступлений должны включать не только способы правовой защиты, обычно предусматриваемые гражданским правом, такие, как прекращение противоправного деяния, реституция в натуре, денежная компенсация и сатисфакция, но и способы, характерные для публичного права. Было высказано также замечание о том, что в положениях об урегулировании споров не содержится никакого элемента обязательного арбитражного разбирательства, предназначенного именно для того, чтобы не допустить привнесения концепции международных преступлений в международно-правовую среду, для которой до сих пор характерно индивидуальное самоопределение прав и обязанностей. Было отмечено, что ранее высказанное предложение о двухэтапной процедуре с привлечением Совета Безопасности и Международного Суда имеет определенные достоинства. Была высказана также мысль о том, что наличие международно-противоправных деяний должно определяться Судом или его камерой *ad hoc*.

64. В то же время было выражено мнение о том, что на международном уровне самой сложной проблемой будет определение последствий нарушений с учетом их тяжести. Было заявлено, что в национальном законодательстве предусматривается уголовная ответственность юридических лиц и что разработка концепции международной уголовной ответственности имеет

свои положительные моменты. Было выражено также мнение о том, что один из парадоксов или недостатков проекта статей заключается в том, что в них практически не устанавливаются последствия, вытекающие из концепций преступления. В проекте статей следовало бы определить специальный режим для преступления.

65. Далее было высказано мнение о том, что проводимое в проекте статей различие между международными преступлениями и международными правонарушениями не имеет практического значения, что характерно и для последствий, упоминаемых в проектах статей 51–53. Было отмечено, что скептицизм по поводу юридической обоснованности и политической желательности концепции международных преступлений и обусловленные этим опасения сохраняются и сейчас, когда рассматривается вся система юридических последствий таких преступлений.

Статья 51

66. Было отмечено, что действие главы IV заключается в том, что все способы правовой защиты, применимые в случае международных правонарушений, будут применяться к международным преступлениям, как и положения о контрмерах, с применимыми к международным преступлениям дополнительными последствиями, которые предусмотрены в статьях 52 и 53. Было высказано мнение о том, что, поскольку различия в инструментальных последствиях не обсуждались, представляется маловероятным, чтобы контрмеры – весьма индивидуализированное средство правовой защиты, предусмотренное для правонарушений, – были уместными и в случае причинения ущерба всему международному сообществу. Было заявлено также о поддержке двухэтапной процедуры, описанной в комментарии к статье 51, при условии обеспечения институциональных гарантий. Вместе с тем было отмечено, что Комиссия не включила эту систему в проект статей, и это обусловило проявление серьезной озабоченности по поводу неблагоприятных последствий концепции международного преступления.

Статья 52

67. Было заявлено, что Комиссия поступила правильно, определив другие особые последствия в случае международных преступлений, хотя в проекте статей введение санкций не предусматривается. Была высказана мысль о том, что особые последствия международного преступления должны быть особенно суровыми и что они должны включать в себя введение санкций. Вместе с тем было выражено также мнение о том, что понятие международного преступления, совершенного государством, по-прежнему вызывает споры, и, в частности, были высказаны опасения в связи с возможностью возникновения таких ситуаций, когда государство или группа государств могут счесть себя правомочными вводить санкции в одностороннем порядке, что подрывало бы основы международного правопорядка.

68. Было отмечено, что данная статья предусматривает смягчение обычных ограничений в отношении требований о репарации. В подпунктах c и d статьи 43 ограничивается реституция в натуре в отличие от компенсации, когда она создает серьезную угрозу для политической независимости или экономической стабильности государства-правонарушителя. Однако это ограничение не применяется к международным преступлениям вследствие их тяжести, и в этом случае отказать в реституции невозможно. Было высказано мнение о том, что Комиссия сделала важный шаг в правильном направлении, включив в проект статей положения, касающиеся последствий деяний, квалифицируемых в качестве международных преступлений, хотя в статье 52 четких указаний на конкретные формы ответственности за международные преступления не содержится. Эта проблема является сложной, но она должна быть решена, поскольку в противном случае ценность будущего юридического документа об ответственности государств значительно снизится. С учетом точки зрения, согласно которой юридические последствия

международного преступления выходят за рамки последствий обычных противоправных деяний, была высказана мысль о том, что проект текста нуждается в доработке в ходе второго чтения. В частности, статью 52, посвященную особым последствиям международных преступлений, следует расширить, включив в нее инструментальные последствия.

69. Было высказано замечание о том, что вопрос о снятии ограничений в отношении принадлежащего потерпевшему государству права на получение реституции в натуре должен рассматриваться как следствие квалификации правонарушения, а не как вопрос о справедливости требования, касающегося обеспечения реституции в натуре в том или ином случае. Было высказано также замечание о том, что статья 52, несмотря на ее многообещающее название, вызывает разочарование, поскольку в ней исключены два ограничения в отношении реституции в натуре и ограничение в отношении сатисфакции, запрещающие предъявлять требования, которые ущемляют достоинство государства-правонарушителя и подрывают его политическую независимость и экономическую стабильность. Обоснование Комиссией исключения этого ограничения представляется странным. Далее было отмечено, что статья 52а, отменяющая ограничения на реституцию в натуре за международные преступления, вызывает особые опасения. Она может быть использована для обоснования наложения серьезного наказания на все население за правонарушение, совершенное его правительством, что ставит под угрозу международную безопасность и стабильность. Было высказано мнение о том, что, поскольку проведение различия между правонарушениями и преступлениями, естественно, влечет за собой особые последствия, этому вопросу целесообразно посвятить целую статью. Вместе с тем последствия преступления никогда не должны ставить под угрозу территориальную целостность или политическую независимость государства, совершившего преступление. Данный вопрос является настолько важным для поддержания международного мира и безопасности, что эти изъятия необходимо прямо указать. В отношении ограничения на право потерпевшего государства на получение сатисфакции далее было отмечено, что ущемление достоинства государства-нарушителя представляется настолько нечеткой и субъективной концепцией, что возникают сомнения в отношении ее ценности, как бы противоправные деяния ни классифицировались.

Статья 53

70. Было отмечено, что данная статья предусматривает комплекс обязательств для всех государств. Было выражено мнение о том, что можно было бы подчеркнуть, что они являются следствием совершения любого международно-противоправного деяния, а не только международного преступления или исключительно тяжкого деликта. Было выражено также мнение о том, что в связи с этим положением возникают некоторые трудности, обусловленные прежде всего нечеткостью формулировок, касающихся обращения к контрамерам в целях защиты "жизненно важных интересов международного сообщества". Это влечет за собой возникновение сложного вопроса институционализации репрессалий за преступление вне контекста Организации Объединенных Наций. Такое положение может означать признание так называемого "actio popularis", в отношении которого практика Международного Суда еще полностью не установилась. Осуществить его в любом случае было бы сложно; в качестве инициатора действий подобного рода может выступить лишь Совет Безопасности, на который по Уставу возложена главная ответственность за поддержание международного мира и безопасности.

71. Что касается подпункта a, то, согласно высказанному мнению, если считается, что преступления нарушают нормы *jus cogens*, тогда обязательство, закрепленное в статье 53, уже является элементом первичных норм и не нуждается в подтверждении в контексте ответственности государств.

72. В связи с подпунктом b было высказано замечание о важности предотвращения последствий, негативно сказывающихся на всех гражданах государства, совершившего преступление. Фактически обязательства, изложенные в статье 53, в совокупности представляют собой минимальные коллективные последствия в соответствии с общим международным правом и сложившейся в последнее время практикой Совета Безопасности. Преимущество данной статьи заключается в том, что она не основана на аналогии и что в ней поддерживается на минимальном уровне уголовно-правовая канотация термина "международное преступление".

73. В связи с подпунктами c и d было выражено мнение о том, что если коллективный отпор международного сообщества должен иметь форму контрмер, то должно существовать центральное учреждение, обладающее полномочиями определять факт совершения международного преступления и координировать этот коллективный отпор. То обстоятельство, что, по мнению Комиссии, Организация Объединенных Наций может выполнять роль такого центрального института, равнозначен признанию слияния правовых норм об ответственности государства и правовых норм о международной безопасности, закрепленных в Уставе Организации Объединенных Наций. В Уставе содержатся положения об организации коллективного отпора на противоправные действия государств, ставящие под угрозу международный мир и безопасность. Такие деяния, именуемые в статье 19 международными преступлениями, бесспорно, представляют собой нарушение обязательств, имеющих существенно важное значение для защиты основополагающих интересов международного сообщества. Хотя эти две категории деяний могут совпадать неполностью, разделять их не следует. Можно выдвинуть аргумент о том, что, согласно правовым нормам о международной безопасности, решения принимаются политическими органами, тогда как в соответствии с правовыми нормами об ответственности государств решения будут приниматься судебными органами, и они будут иметь обязательную силу для всех государств по вопросам, касающимся международных преступлений. Такого судебного органа не существует, и весьма маловероятно, что международное сообщество достигнет договоренности относительно его учреждения. Концепцию международных преступлений не следует включать в статьи об ответственности государств до тех пор, пока не будет разработано также положение об учреждении механизма для рассмотрения юридических последствий таких преступлений. В противном случае различие между последствиями "международных правонарушений" и "международных преступлений" будет чисто описательным или дидактическим и не имеющим нормативного элемента, который Комиссия сочла существенно важным при разработке статьи 19.

74. Было высказано замечание о том, что серьезность последствий преступлений сопряжена с установлением институциональных гарантий, предусматривающих, в частности, обязательное обращение к юрисдикционным органам, поскольку в противном случае понятие международного преступления станет объектом политических манипуляций и источником разногласий между государствами. Было отмечено, что вопрос о том, было ли совершено международное преступление, подлежит выяснению в рамках общей системы разрешения споров, установленной в части третьей, которая, за исключением случая контрмер, не предусматривает обязательного обращения к судебному урегулированию. Однако, если государство может быть обвинено в международном преступлении в одностороннем порядке предположительно потерпевшим государством и если при этом в проекте статей не будет предусмотрено обязательное обращение к судебным механизмам, тогда будет открыта дорога для политических манипуляций, и понятие международного преступления не будет способствовать сохранению мира. Было также замечено, что в условиях отсутствия судебного механизма, к которому можно было бы обращаться в одностороннем порядке, противоправное поведение в значительной степени квалифицируется соответствующими государствами; таким образом, конфликт, вызванный самим нарушением, будет усугубляться дальнейшими разногласиями относительно его квалификации. В то же время было выражено мнение, заключающееся в том, что возражения, связанные со сложностью присвоения уголовной ответственности государству и отсутствием международных органов, осуществляющих

уголовную юрисдикцию и выполняющих обвинительные функции, не являются непреодолимыми, особенно с учетом того, что международная система обладает своими собственными характеристиками, и поэтому маловероятно, что концепция международного преступления может подразумевать какую-либо уголовную ответственность со стороны государства.

75. Было выражено мнение в поддержку предложения бывшего Специального докладчика, касающегося решения проблемы институциональных последствий международных преступлений и предусматривающего двухэтапную процедуру, которая включала бы, во-первых, политическую оценку ситуации Генеральной Ассамблеей или Советом Безопасности и, во-вторых, принятие решения Международным Судом в отношении того, было ли совершено международное преступление. Такая система, согласно этой точке зрения, позволит в максимальной степени использовать потенциал системы Организации Объединенных Наций, обеспечить уважение юрисдикции компетентных органов и удовлетворить необходимость в быстрой реакции на международные преступления. Последствия международного преступления являются неотъемлемой частью правовых норм об ответственности государств и как таковые они должны рассматриваться в проекте статей с точки зрения как *lex ferenda*, так и *lex lata*. Прежде всего, их не следует относить к категории политических решений Совета Безопасности, принимаемых в целях поддержания международного мира и безопасности. В то же время было выражено мнение о том, что проблема с этим подходом к вопросу об определении того, в каком органе и на каких юридических основаниях государству может быть предъявлено обвинение в совершении международного преступления, заключается в том, что Совет Безопасности и Генеральная Ассамблея, будучи органами, отвечающими за квалификацию международного преступления, как и в прошлом, могут проявить снисходительное отношение к чрезвычайно серьезным противоправным деяниям; более того, их компетенция ограничена Уставом, и в этой связи предоставление любых новых полномочий этим органам обусловит необходимость внесения изменений в Устав, что, как представляется, в нынешних условиях, вряд ли возможно. Поэтому было заявлено, что предпочтение отдается Международному Суду; в этой связи довод Комиссии о том, что квалификация могла бы быть осуществлена в рамках части третьей проектов статей, представляется абсолютно приемлемым. Наблюдается поразительное сходство с режимом *jus cogens*, предусмотренным в подпункте a статьи 66 Венской конвенции о праве международных договоров, и Международный Суд вполне способен взять на себя обязанность по определению квалификации международных преступлений.

76. Было высказано мнение о невозможности создания действенного режима уголовной ответственности за преступления без включения в него соответствующего механизма обеспечения осуществления, который задействовался бы до обращения государств к контрмерам. Поскольку в нынешних условиях возлагать на международные органы задачу принятия всех необходимых решений и мер в целях обеспечения реализации юридических последствий преступлений нереально, по ряду причин было предложено, чтобы Комиссия при рассмотрении проектов статей во втором чтении сформулировала общие принципы в этой области. Вопрос обеспечения выполнения обязательств связан с проблемами, которые на международном уровне носят гораздо более серьезный характер, чем на национальном уровне, вследствие того, что занимающиеся обеспечением выполнения обязательств национальные учреждения, как правило, более развиты, чем аналогичные международные учреждения. Так, имеются не только национальные международные кодексы, предусматривающие предание суду лиц, обвиняемых в совершении правонарушений, и их наказание в случае признания виновными, но и национальные учреждения – суды и трибуналы, которые проводят разбирательство в отношении этих правонарушений, а также пенитенциарные заведения и учреждения, призванные расследовать предполагаемые правонарушения. На международном уровне подобных учреждений пока не имеется. Безусловно, существует множество международных учреждений, задачи которых заключаются в содействии переговорам и сотрудничеству между государствами, однако они далеко

не удовлетворяют требованиям, предъявляемым в части эффективного выполнения обязательств, нарушение которых может повлечь за собой уголовную ответственность государства. Действительно, Совет Безопасности наделен полномочиями принимать необходимые меры в целях поддержания или восстановления международного мира и безопасности. Однако представляется сомнительным, чтобы в отсутствие международного органа, который обладал бы аналогичной компетенцией в отношении международных преступлений, когда-либо удалось заставить государства реально отвечать за совершение международных преступлений.

14. Часть третья. Урегулирование споров

77. В отношении содержащихся в части третьей положений, касающихся урегулирования споров, были высказаны различные мнения. Некоторые делегации приветствовали включение в проект статей предусмотренных в части третьей дифференцированных процедур урегулирования споров, в рамках которых большое значение придается полюбовному урегулированию споров, обусловленных международно-противоправными деяниями. Было отмечено, что положения, касающиеся урегулирования споров, вызывают воодушевление и представляет собой смелый шаг вперед на пути прогрессивного развития международного права, поскольку доктрина урегулирования споров традиционно основывалась на согласии в отношении средств урегулирования или их свободном выборе, в то время как в рассматриваемом тексте обращение к примирению является обязательным условием в том случае, если одна из сторон отвергает другие варианты. Была высказана мысль о том, что теперь Комиссии необходимо приложить дополнительные усилия для улучшения текста, с тем чтобы избежать причинения какого бы то ни было ущерба слабым государствам.

78. Другие делегации выразили свое разочарование процедурами урегулирования споров, предусмотренными в части третьей, сочтя их слишком сложными, длительными, жесткими, негибкими, не имеющими практического значения, обременительными и дорогостоящими. Было отмечено, что на внесудебном этапе урегулирования стороны должны иметь возможность переходить от безуспешных переговоров или примирения непосредственно к арбитражу, обращению к добрым услугам и посредничеству по своему усмотрению. Было высказано также замечание о том, что существует бесконечное множество юридических и фактических ситуаций и споров, в которых может встать вопрос об ответственности государств; поэтому попытки предписать какую-либо жестко закрепленную форму урегулирования являются неперспективным и несерьезным занятием. Комиссия должна более реалистично подойти к вопросу об урегулировании споров при рассмотрении проекта статей во втором чтении. Самое большее, что должна сделать Комиссия, это предложить государствам набор механизмов, которые они могли бы использовать по своему усмотрению.

79. В то же время другие делегации поставили под вопрос целесообразность включения в проект статей каких-либо положений, касающихся урегулирования споров. Была высказана мысль об исключении части третьей проекта статей и рассмотрении, при необходимости, возможности включения отдельной статьи в главу о контрмерах, в которой воспроизводились бы положения статьи 33 Устава. Было выражено также мнение о том, что положения, касающиеся урегулирования споров, не являются существенно важными с точки зрения режима ответственности государств; оснований для воспроизведения в проекте статей положений об урегулировании споров, содержащихся в Уставе Организации Объединенных Наций и других международных документах, не имеется; кроме того, процедуры, предусмотренные в части третьей, являются неполными, поскольку они не включают судебное урегулирование Международным Судом.

80. Были высказаны также различные мнения относительно того, в какой степени в части третьей должны регламентироваться обязательные процедуры урегулирования споров. Было

отмечено, что в проекте статей не содержится положений, предусматривающих обязательную юрисдикцию в отношении урегулирования споров, вытекающих из будущей конвенции, за исключением случая контрмер, что объясняется похвальным желанием обеспечить максимально широкое признание будущей конвенции, и выражено мнение о предпочтительности положения об обязательном обращении к судебным средствам разрешения споров, действующего в отношении всего проекта текста. Было обращено внимание на то важное значение, которое Комиссия придала положениям об урегулировании споров, и выражено согласие с теми членами Комиссии, которые сочли, что критика такого обязательного механизма является необоснованной. Была высказана мысль о необходимости усиления акцента на судебном разбирательстве и на обязательности для всех государств-участников требования об исчерпании судебных способов защиты. Вместе с тем наряду с поддержкой включения в проект статей соответствующих процедур урегулирования споров с участием третьей стороны было выражено также мнение о том, что общий режим урегулирования споров является слишком претенциозным и что, по-видимому, более реалистичным было бы сосредоточить внимание на тех частях проекта, в которых, по общему согласию, желательно наличие обязательных процедур, как это имеет место в случае контрмер.

81. Хотя делегации приветствовали включение в проект статей положения, предусматривающего определенную степень обязательного участия третьей стороны, была высказана мысль о том, что нет необходимости вновь изобретать колесо и что следует четко заявить о субсидиарной роли положений об урегулировании споров по отношению ко многим существующим процедурам. Было отмечено, что, учитывая оговорки некоторых государств, необходимо продолжить обсуждение предложения, в соответствии с которым часть третья должна носить субсидиарный характер по отношению к уже существующим процедурам и механизмам в этой области. Было выражено сожаление по поводу того, что Комиссия еще не нашла способа избежать опасности возникновения коллизии между процедурами урегулирования споров, предусмотренными в части третьей проекта, и процедурами, которые могли бы быть применимыми в соответствии с другими документами, действующими в отношениях между государствами, в частности с точки зрения их соотношения или условий их осуществления.

82. Некоторые делегации в принципе высказались за включение процедур урегулирования споров в проект статей в качестве их неотъемлемой части. Вместе с тем было также выражено мнение о том, что понятное и достойное похвал стремление некоторых членов Комиссии к более интегрированному и организованному международному сообществу должно соотноситься с реальностью; один из возможных способов обеспечения этого – придание части третьей рекомендательного характера посредством облечения ее в форму факультативного протокола. Было высказано также мнение о предпочтительности факультативных процедур, поскольку проект статей охватывает всю сферу ответственности государств и, следовательно, большую часть споров, которые могут возникнуть между государствами.

Статья 56

83. Процедура примирения, к которой можно обращаться в одностороннем порядке, получила одобрение, однако при этом было заявлено, что она является недостаточной. Была высказана мысль о том, что в случае безуспешности примирения каждое государство должно иметь возможность начать судебный процесс, который мог бы завершиться вынесением обязательного решения, поскольку уже одно это обеспечило бы эффективность любой будущей конвенции об ответственности государств.

Статья 57

84. Что касается задачи согласительной комиссии, то включение в круг ее обязанностей функции установления фактов вызвало удовлетворение, поскольку установление фактов имеет очень важное значение с точки зрения беспристрастного выяснения истины, в связи с чем следует устранить все препятствия на пути эффективного функционирования этой независимой комиссии. Было высказано пожелание исключить и фразу "если только какие-либо исключительные причины не делают это неосуществимым", поскольку это может помешать работе согласительной комиссии по установлению фактов на территории какой-либо стороны в споре. В то же время было высказано замечание о том, что деятельность согласительной комиссии, возможно, окажется безуспешной попыткой как-то урегулировать возникший конфликт интересов.

Статья 58

85. В отношении связи между правом принимать контрмеры и возможностью обращения к механизмам урегулирования споров с удовлетворением было отмечено, что Комиссия приняла во внимание различного рода озабоченности, предусмотрев, что обращение к процедурам урегулирования споров более не является прерогативой потерпевшего государства – такие процедуры в целях избежания контрмер может предлагать теперь предполагаемый правонарушитель. Было заявлено о поддержке связи между контрмерами и урегулированием споров, которая выражается в том, что, принимая контрмеры, государство указывает на свое ранее высказанное согласие стремиться к мирному урегулированию, и, соответственно, о несогласии с мнением о том, что положение, согласно которому только государство, совершившее противоправное деяние, может передавать спор на разрешение арбитража, является нарушением нормы, предусматривающей в качестве обязательного условия наличие взаимного согласия обеих сторон на рассмотрение дела в арбитражном суде; при этом было заявлено о необходимости более глубокого изучения связи между этими двумя вопросами. Было выражено мнение о том, что установление определенного контроля над осуществлением контрмер является шагом в правильном направлении, однако работу в этой области следует продолжить; в период между провалом переговоров и учреждением арбитража государство может подвергаться негативному воздействию таких контрмер; должна существовать возможность обращения одной из сторон в арбитраж в одностороннем порядке сразу после квалификации спора, поскольку затягивание с обращением в арбитраж, который мог бы эффективным образом побудить государство к выполнению своего обязательства о возмещении, не имеет смысла.

86. В то же время было отмечено, что обязательная процедура арбитража, предусмотренная в пункте 2 статьи 58, также является спорной. Было выражено мнение о том, что статья 58 является дискуссионной в своей основе, поскольку она направлена на установление своего рода обязательной юрисдикции арбитража в соответствии с положениями статьи 36 Статута Международного Суда, которая является факультативной, и что нельзя принуждать государства передавать споры на рассмотрение арбитража в нарушение самих принципов арбитражного разбирательства, которые основаны на свободной воле государств. Пункт 2 также был назван спорным, поскольку дело на рассмотрение арбитража, как правило, передается в результате достигнутого в ходе переговоров компромисса, а не путем односторонней просьбы. Было отмечено, что, хотя цель этого положения заключается в том, чтобы удержать потерпевшее государство от принятия контрмер и предотвратить возникновение новых споров между сторонами, оно противоречит принципам международного права, в соответствии с которым арбитражное разбирательство должно осуществляться с согласия всех сторон в споре. Было отмечено также наличие определенной аномалии в ситуации, предусмотренной в пункте 2 статьи 58, когда, приняв контрмеры, потерпевшее государство получает право на урегулирование основного спора с помощью арбитража, но только в том случае, если государство-правонарушитель оспаривает контрмеры. Было заявлено о том, что представляется предпочтительным соблюдение более общего

руководящего принципа, согласно которому контрмеры должны признаваться в качестве законной меры, подлежащей использованию в крайнем случае с учетом критерия необходимости.

Статья 60

87. В отношении статьи 60, названной спорной, были высказаны различные мнения. С одной стороны, было выражено мнение о том, что процедура урегулирования споров, заключительным этапом которой является рассмотрение спора в Международном Суде, может быть надежной и практичной, подтверждающей роль существующих судебных органов и позволяющей избежать увеличения числа новых органов, что иногда является предметом критики. С другой стороны, обязательная компетенция Международного Суда, установленная в соответствии со статьей 60, была сочтена неприемлемой, поскольку урегулирование споров каким-либо судом было и должно оставаться факультативной мерой. Было замечено, что Международный Суд не наделен юрисдикцией подтверждать действительность арбитражного решения или лишать его – полностью или частично – силы, хотя в пункте 2 статьи 60 предусматривается, что Суд по просьбе любой из сторон может вынести решение относительно действительности арбитражного решения. Хотя различные правовые системы содержат разные положения относительно действительности арбитражного решения, ни один действующий международный документ или обычная практика не предусматривают возможности невыполнения арбитражного решения по международному спору из-за возражений, выдвинутых одной из сторон в споре. Было выражено также мнение о том, что, хотя соответствующие стороны могут договориться о передаче спора на разрешение арбитража, это не означает, что, когда не удастся достичь частичного или полного урегулирования спора, та или другая сторона должна дать согласие на одну или несколько дальнейших обязательных процедур арбитражного разбирательства.
